

Ирина Волчок

Ирина Волчок

Журавль в небе

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Р_{ос}=Р_{ус})6-44
В67

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Оформление — Ольга Жукова

Волчок, Ирина.
В67 Журавль в небе: [роман] /Ирина Волчок. — Москва, Из-
дательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Главный приз. Романы
о любви.)

ISBN 978-5-17-164257-0

Желания, о которых долго думаешь, могут сбыться. И произойдет чудо, которого ты уже не ждешь, и это чудо изменит всю твою жизнь, и жизнь близких тоже изменит. Тамара рано вышла замуж, у нее две чудесные дочери, она работает, делает карьеру и... влюбляется в чужого мужа. И он в нее. А ведь семья — это единственное, что Тамара считала ценным в жизни. Единственное, что нельзя потерять ни при каких обстоятельствах. Единственное, что она не согласна отдать даже за счастье, о котором мечтала всю жизнь. Из предложенных судьбой вариантов мы не всегда выбираем лучший. Мы выбираем доступный. Вопрос в цене, и цену мы определяем сами.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Р_{ос}=Р_{ус})6-44

ISBN 978-5-17-164257-0

©И. Волчок, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

Тамара обожала семейные праздники. Всякие дни рождения, годовщины, юбилеи, крестины, именины... Вообще-то семейный праздник можно было сделать из чего угодно — хоть из покупки пары новых туфель, хоть из выпадения молочного зуба у Аньки, хоть из поселения в доме ничейного беспородного щенка. Первое мая, Седьмое ноября и Восьмое марта тоже вполне годились на роль семейных праздников, не говоря уж о Новом Годе. Именно так, с большой буквы каждое слово. И даже, еще лучше, каждое слово большими буквами: **НОВЫЙ ГОД!** В детстве Новый Год был для нее совершенно особенным праздником... Нет, не так. В детстве Новый Год был для нее единственным праздником. Наверное, отмечались еще какие-нибудь, но она их не помнила. А Новый Год помнила до мельчайших подробностей: кто что говорил, кто что дарил, какое у нее было платье, что стояло на столе, что висело на елке. Она помнила свое ожидание Нового Года и запаха мерзлой хвои, карамелек «Клубника со сливками», зреющего в большой алюминиевой кастрюле теста для пирогов, нового полотенца, приготовленного «для гостей», и еще множество всяких редких, нелегальных запахов, которые сплетались в один большой и богатый запах праздника; она помнила все свои желания, которые загадывала на каждый

Новый Год; она помнила узор каждой снежинки, которая таяла на ее ладони в новогоднюю ночь... Такая у нее с детства, с пяти лет, была привычка — ловить новогоднюю снежинку на ладонь, а потом внимательно рассматривать ее, стараясь запомнить никогда не повторяющийся узор. Она запомнила тридцать три узора — на каждый Новый Год. И еще она помнила свою горькую обиду на то, что Новый Год бывает так редко. Наверное, от этой обиды все и пошло — эта ее неумеренная жажда праздника. Готовность отпраздновать что угодно, даже визит соседки за десяткой до полочки. Но в семейном кругу. Это главное. Вне семейного круга праздников не было, а если какие и были, то тыфу на них.

Тамара осторожно почесала бровь мизинцем и привычно заглянула в зеркальце над мойкой: не испачкалась ли в муке? И привычно же улыбнулась своему отражению. Потому что этому научила ее бабушка. И потому, что Тамаре нравилось ее отражение: из зеркала ей улыбалась маленькая, худенькая, коротко стриженная девчонка, глаза у девчонки были веселые и решительные, мордашка розовая, зубы белые, а бровь в муке.

— Стыдно, женщина, — сказала Тамара своему отражению склочным трамвайным голосом и показала ему язык. — Не молоденькая уже. Как вы себя ведете? Мать, понимаете ли, семейства...

— Мать, у тебя там не готово еще? — В слегка сонном голосе мужа слышалось нетерпение. — Мы с Натуськой пирожка хотим...

Он даже с дивана не поднялся, отметила про себя Тамара с легким раздражением. Даже голос не повысил. Ну да, с какой бы это стати ему подниматься с дивана и идти на кухню, чтобы что-то спросить? Не царское это дело. Жена должна слышать каждое слово мужа, даже если он говорит из-за двери, в подушку и при этом не повышая голоса. Тамара сунула проти-

вень с пирожками в духовку, быстренько сполоснула руки и опять глянула на себя в зеркало над мойкой. Чувырла. Морда скучная, глаза стеклянные, а прическа — как у пьяного ежика. И чего ей в себе могло нравиться? Хотя да, бабушка ведь учила всегда улыбаться своему отражению... Она с некоторым принуждением улыбнулась — и тут же заметила в зеркале какое-то осторожное движение. Оглянулась, увидела Наташку, застрявшую в дверях с нерешительным видом, и улыбнулась уже без всякого принуждения.

— Наташ, ты чего маешься? Пирожки через двадцать минут будут. Вы с отцом за двадцать минут не помрете с голоду, нет?

— Ага, — рассеянно сказала Наташка и принялась вертеть головой, пристально рассматривая кухню, знакомую ей до последней горелой спички в банке из-под майонеза, стоящей на подоконнике. — Ма, я не поняла... Аня вообще, что ли, никогда не придет?

— Как это — вообще никогда не придет? — испугалась Тамара. — Что ты такое говоришь? Что случилось?

Наташка оторвала взгляд от настенных часов и сердито уставилась на нее. Переступила с ноги на ногу и вдруг ляпнула:

— Я этого ее Виталика терпеть не могу, так и знай.

«Я тоже его терпеть не могу», — чуть не сказала вслух Тамара, но вовремя прикусила язык и подавила тяжелый вздох.

— Наташка, — сказала она как можно строже, — ты мне это брось. Мало ли, кто кого терпеть не может! Вот представь: ты выйдешь замуж — а я тебе вдруг заявлю, что терпеть не могу твоего мужа. Тебе ведь обидно будет, правда?

— Вот еще. — Наташка скроила надменную физиономию и опять уставилась на какую-то деталь интерьера. — Ничего мне обидно не будет. Я сразу этого козла на фиг пошлю.

— Что? — изумилась Тамара. — Ты откуда таких слов нахваталась? И вообще, тебе еще рано об этом судить, реб-

нок нахальный. Вот выйдешь замуж — посмотрим, как запо-
ешь.

— Никак, — упрямо буркнула Наташка и повернулась, собираясь уходить, но не ушла, стояла в дверях, всей спиной, и стриженным затылком, и розовыми оттопыренными ушами выражая неудовольствие. — Я лучше вообще замуж не выйду... А то выйдешь за такого... в общем — за такого. А он тебя даже домой не отпустит. Даже на Новый год. Коз-з-зел.

— Перестань, — сказала Тамара устало. — Не маленькая уже, должна понимать. У Ани теперь своя семья, свой дом, свои гости... Она просто встречает Новый год в своей семье, со своим мужем. Так и должно быть.

— Фигушки, — выдала Наташка не поворачиваясь и шмыгнула носом. — Это мы ее семья, а не какой-то там муж...

Тамара безнадежно вздохнула, села на табуретку, ухватила Наташку за руку и потянула к себе, преодолевая ее не слишком сильное сопротивление. Усадила дочку к себе на колени, обхватила ее руками и уткнулась носом в растрепанные душистые вихры, собираясь с мыслями. Хотя с чем там было собираться... Мысли ее были теми же самыми, что и у Наташки: мы — ее семья, при чем тут какой-то муж? В общем, неправильные были мысли.

— Понимаешь, — начала она осторожно и опять вздохнула. — Семья — это не всегда одно и то же. Семья всегда с чего-нибудь начинается. Когда я вышла замуж за твоего папу, началась наша семья. Но ведь до этого он рос в своей семье, а я — в своей. Вот представь: моим родителям твой папа не понравился бы — и что мне тогда делать? Не выходить замуж? И не было бы у меня ни Ани, ни тебя.

— А папа твоим родителям не понравился? — осторожно спросила Наташка, не поднимая головы.

— Почему не понравился? Очень даже понравился.

Это даже нельзя было считать ложью. Может быть, Николай и вправду понравился бы ее родителям, если бы она его им показала... Вернее, если бы было кому показывать своего жениха. Ох, как некстати сейчас вспоминать всякое такое...

— Натка... — Тамара разжала руки и слегка шлепнула дочь, сгоняя ее со своих колен. — Ты потом все сама поймешь. Главное — помни: семья — это самое важное. Самое-самое... Это правильно, что дети вырастают и замуж выходят, женятся... Из-за этого родители ведь не перестают их любить, правда? Я никогда не разлюблю Аню, и тебя никогда не разлюблю. И Аня никогда нас не разлюбит.

— А девочки все о любви да о любви... — Когда в кухню заглянул муж, она не заметила. — Тема, конечно, интересная, но кушать все-таки хочется. Когда приступим? Восемь часов уже.

Наташка вскочила и потопала из кухни, отворачиваясь от отца. Он проводил ее недоуменным взглядом и спросил у жены без особого интереса:

— Чего это она?

— Анну ждала, чего же еще, — сердито сказала Тамара. — Пирожкам еще минут десять сидеть. Сейчас я стол накрывать буду. Коль, ты бы мусор вынес пока, а?

— Да я же утром выносил, — с заметным недовольством заявил Николай. — Откуда ты столько мусора берешь?

— Отовсюду, — устало ответила она. — Целый день квартиру чищу, готовлю, мою, мету... Оттуда и мусор. Ай, ладно. Потом вынесем. Ты деду лекарство дал?

— Черт, забыл... А ты что ж не напомнила?

— Вот напоминаю. — Тамара невольно усмехнулась, предвидя его ответ на следующий вопрос. — А с Чейзом кто погуляет?

— Ну почему все дела на меня валить надо? — возмутился Николай. Впрочем, возмутился как-то вяло, не агрессивно

как-то возмутился, даже, можно сказать, мирно. — Мне там еще кое-что сделать надо, и к тому же сейчас «С легким паром!» начнется. И рано еще Чейзу гулять. Мы его потом выведем, попозже, ладно?

— Ладно, — согласилась Тамара, привычно загоня усталое недовольство поглубже. В конце концов, семья — это самое важное на свете, и так далее, и тому подобное, и все такое, что там еще она только что говорила Наташке... И все это — чистая правда. И нельзя допускать, чтобы из-за каких-то мелочей в семье начался раздрай.

Но, черт побери, как же много этих проклятых мелочей, какая огромная куча этих подлых мелочей, целая гора, просто египетская пирамида, и она чувствует себя замурованной в этой пирамиде, как какая-нибудь Тутанхамонша. Или как их там звали? Тамара торопливо глянула в зеркало над мойкой и очень старательно улыбнулась: да, мол, фараонши мы, никто в этом и не сомневался.

— Тебе, может, помочь? — неуверенно сказал Николай, откровенно прислушиваясь к звукам телевизора. — Может, надо чего?

— Деду лекарство дай, — напомнила она мягко. — Пусть молоком запьет, вот в этой чашке тепленькое, я специально для него согрела.

— А, да, — спохватился Николай, взял чашку с молоком и с озабоченным лицом вышел. Заметно было, что бремя ответственности на своих широких плечах он несет с некоторым трудом.

«Помощник, — хмыкнула про себя Тамара. — Добытчик, защитник и каменная стена. Глава семьи». Впрочем, хмыкнула вполне беззлобно, даже с некоторым веселым снисхождением. В конце концов, можно считать, что с мужем ей повезло. Особенно если сравнивать его с чужими мужьями. Нико-

лай не был ни алкоголиком, ни бабником, ни склочником, ни тираном, какими в той или иной степени были практически все чужие мужья, которых она знала. Николай был спокойным и разумным, и это ей в нем нравилось больше всего. Он без проблем уживался с ее бабушкой и дедом, не раздражался из-за бытовых мелочей, не лез в ее методы воспитания детей, не выражал недовольства по поводу бесконечных — и часто неожиданных — визитов ее многочисленных друзей... В общем, можно сказать, что он и сам был ее другом. Да, вот именно, другом. С мужьями это редко случается, насколько она могла судить по рассказам подруг и по собственным наблюдениям. И ко многим вещам он относится так же, как она. Например, переживал, когда умерла бабушка. Дед болеет — и Николай тревожится, вон, понес ему лекарство. Анькино замужество ему нравится ничуть не больше, чем Тамаре... А что он такой... ну, такой невыразительный — это даже хорошо. Ей и на работе хватает криков, выяснений отношений, маханий руками, рыданий в туалете и всякой такой экспрессии. Она так устает от всего этого за день, что имеет право надеяться на тишину, покой и порядок. Ну, хорошо, порядок ей приходится обеспечивать самой — причем порядок в самом широком смысле, от рядового мытья посуды до организации Анькиной свадьбы... тьфу ты, опять сердце заныло... А уж на покой она имеет право надеяться. Так что все правильно, спокойный, бесконфликтный, мирный... какой еще? В общем, такой, какой он есть, муж ее вполне устраивал. И на своей работе он такой же, и там это тоже всех устраивает. Значит, правильно она сделала, когда почти двадцать лет назад согласилась выйти за него замуж.

Ну и ну... с чего бы она сейчас вдруг об этом задумалась: правильно, неправильно? Тамара даже какую-то неловкость почувствовала, как всегда чувствовала неловкость от мыс-

лей, которые нельзя высказать при детях. Или при бабушке с дедушкой. Таких мыслей она не любила, они ей мешали жить так, как она считала нужным, — открыто и откровенно, ничего ни от кого не пряча, — поэтому такие мысли она давила в зародыше, а их появление объясняла себе перепалом давления, магнитными бурями и всякими другими внешними факторами, которые от нее не зависели. Как Анькино замужество, например. Черт, да что же это такое! Рано еще ее сердцу болеть... Тамара воровато оглянулась на дверь и полезла в холодильник за корвалолом. Ничего, она сейчас эту гадость чесночком заест, а если Наташка все-таки учует запах, так всегда можно сказать, что корвалол нечаянно открыла, с апельсиновой эссенцией перепутала, пузырьки и в самом деле похожи.

На мягкий чмок дверцы холодильника в кухню тут же перся Чейз, тряся ушами, вертя хвостом, блестя глазами и шумно, со всхлипом облизываясь, — в общем, выражая полную готовность сожрать что-нибудь вкусненькое.

— Ух ты и бессовестный зверь, — удивилась Тамара. — Ты же недавно ужинал!

Чейз сел у ее ног, склонил башку набок, уставился ей в глаза честными глазами и тоненько сказал:

— Й-я?

Тамара засмеялась, потрепала лохматые собачьи уши, сунула корвалол в холодильник и вытащила кусок сыра. Чейз с щенячьего возраста до самозабвения любил сыр, его и называли сначала Чизом, это уж потом он незаметно превратился в Чейза, для удобства произношения. Чейз выхватил у нее из пальцев ломтик сыра, шумно сглотнул и опять выжидательно уставился в глаза, вывалив язык и подхалимски улыбаясь.

— Все, хватит, — строго сказала Тамара. — Потом еще дам, попозже, подожди.

Чейз согласился, но опечалился, шлепнулся посреди пола на пузо, положил морду на вытянутые лапы, расстелив уши на половину кухни, вздыхая и помаргивая грустными глазами, — в общем, всячески демонстрируя свою полную и безоговорочную подчиненность и зависимость. Тамара опять засмеялась и погладила его шелковое ухо босой ногой, а Чейз слегка повернул голову и быстро лизнул ее ногу горячим шершавым языком. Хороший пес, умный. И зачем ей корвалол, если у нее есть такая хорошая и умная собака?

— Наташ, — позвала Тамара дочь, слегка повысив голос. — У меня все готово! Скатерть постелила? Давай-ка посуду расставим.

Настроение у нее улучшилось... ну, не то чтобы улучшилось, но вошло в рамки привычного домашнего спокойствия, и сердце уже не так ныло, и усталость как-то затухала, ушла на задний план. А на переднем плане опять была ее всегдашняя кипучая энергия и жажда деятельности. В конце концов, у нас Новый год или не Новый год? У нас лучший в мире праздник, а мы тут ползаем, как сонные мухи! Быстро, быстро, на стол — вот это и вот это, Наташка, протри вилки, Коля, переоденься, Чейз, не путайся под ногами, пирожки пусть постоят под полотенцем, а вино уже пора достать из холодильника, Наташ, попробуй картошку — сварилась? Салат я уже заправила, неси на стол, Коль, ты бы все-таки переоделься... ну и что ж, что гостей не будет, все равно праздник есть праздник.

Гостей не будет... Ну и пусть, это даже хорошо в данный момент.

И бабушки не будет, бабушка давно умерла, а Тамара каждый раз думает: бабушки не будет, этот Новый год опять без бабушки... В этот раз и деда за столом не будет — дед болеет, простудился сильно, да, может, не так уж и сильно просту-

дился, а вот почти неделю лежит... Все-таки девяносто лет dedu, много ли ему этой простуды надо: попил компоту из холодильника — и пожалуйста, постельный режим. Но это ничего, дед у нас еще крепенький, мы его вылечим, через пару дней встанет и за рождественским столом будет еще водку пить и солеными огурцами закусывать...

И Аньки не будет, Анька впервые встречает Новый год не в своей семье, а... то есть нет, как раз в своей семье, в своей новой семье, со своим мужем и своими друзьями. Или с его друзьями? Вот черт, ничего она про этого Виталика толком не знает. Только с родителями кое-как познакомилась, да что родители? Ясно, что в своем мальчике души не чают, так это все родители так. В смысле — если нормальные родители... А мальчик при любых родителях может оказаться так себе. Тамаре казалось, что этот Виталик — даже не просто так себе, а совсем барахло. Но Анька влюбилась в него без памяти, просто помешательство какое-то, Тамара этой придурки не понимала: какая такая любовь в восемнадцать лет? Да и вообще все это блажь и патология. Начитаются «Анжелик», посмотрят телевизор... да хоть бы вот «С легким паром!». Ясно же, что не бывает так в жизни. И не должно быть. В жизни бывает трезвый расчет, планирование собственной судьбы, семья — не с бухты-барахты, а все как следует обдумав, взвесив все «за» и «против». Если, конечно, голова на плечах. А то вон чего получается: надо, не надо, но раз в год в баню прутся, а потом вламываются в чужую квартиру и с пьяных глаз влюбляются в совершенно посторонних женщин. И ведь не молоденькие уже. Да и эта... как ее... Надя! Тоже хороша. За Ипполита вроде бы замуж собирается, а сама какому-то незнакомому алкоголику песни поет. Ах, как романтично — забытый веник в Москву повезла! Где вы видели нормальную бабу, способную на такую невероятную дурь? Ну да, в кино. А в жизни для любой женщины глав-

ное — это стабильность, надежность и покой. И пусть эти киношники про любовь рассказывают какой-нибудь Надьке из второго подъезда — три развода, пять аборт, один случайный сын, который вечно у бабушки, и, кажется, в перспективе четвертый брак с каким-то музыкантом. И все — любовь. А семьи не было, нет и, скорее всего, не будет. Анька хоть бы позвонила, что ли...

Аня позвонила в двенадцатом, Тамара как раз собиралась по второму кругу стол накрывать: ужин ужином, но Новый год надо встретить с бокалом шампанского в руках, под бой курантов и обращение президента к народу. В общем, по правилам. Когда телефон заверещал дурным голосом, она чуть посуду не выронила. Сколько раз просила Николая сделать что-нибудь с этим телефоном, ведь орет, как больная пожарная машина! Хотя раньше, надо признаться, это истощное бление ненормального телефона ее не раздражало. Раньше — это когда вся ее семья была дома. Тогда она не ждала от телефона никаких неприятностей. А теперь как звонок — так сердце в пятки уходит: а вдруг с Аней что-то не так?.. Тьфу-тьфу-тьфу, не накаркать бы. А если звонка долго нет — еще хуже: как там Аня, что с ней, почему не звонит?

— Нормально, — говорил Николай в трубку своим негромким, размеренным, слегка сонным голосом. — А ты?.. Ну и хорошо... И тебе тоже... Да я вообще-то без тебя не решился... Мы потом вместе купим, ага?

Тамара нетерпеливо пританцовывала рядом, тянула руку к трубке и шевелила пальцами. Наконец Николай попрощался с Анной, отдал трубку жене, и она не выдержала, закричала, стараясь только, чтобы в этом крике не слышались слезы:

— Доченька! С Новым годом! Ты чего ж это днем не забежала? Хотя бы на минутку! У нас для тебя такой подарок! Наталья уже соскучилась! Ну как ты там?